

УДК [94:323.23](470.5)

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА ПОЛИТИЧЕСКИХ БЛОКОВ НА «БЕЛОМ» УРАЛЕ

П. Я. Домовитова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
domovitova@yandex.ru

Рассматривается идеологическое противостояние политических партий в Пермской губернии в период нахождения у власти А.В. Колчака. Отмечается, что в это время на территории Прикамья складывается фактически двухпартийная система, представленная конкурирующими блоками – Национальным союзом и Демократическим союзом. Первая организация позиционировала себя как надпартийная и создавалась для того, чтобы поддержать А. В. Колчака, помочь получить признание Верховного правителя на международной арене. Вторая организация тоже оказывала поддержку адмиралу, однако не признала диктатуру, хотя готова была мириться с ней как с временной мерой в условиях гражданской войны. Представители Национального союза вошли в правительственные органы власти, представители Демократического союза – в органы местного самоуправления.

Ключевые слова: Колчак, политические партии, гражданская война, выборы.

Февральская революция 1917 г. дала толчок развитию гражданского общества. В результате бурного роста социальной активности масс в России начали быстро развиваться демократические институты. Активизировали свою работу политические партии.

В этот момент перед Россией открылось два основных пути развития: эволюционный (реформистский) и установления диктатуры (военной или большевистской). Выбор пути во многом зависел от уровня развития гражданского общества. Октябрьский переворот преопределил второй путь.

Началась жесткая централизация власти. Практически полностью была ликвидирована частная собственность – основа экономической самостоятельности граждан. Политические институты и организации утратили свое значение для гражданского общества, так как находились под строгим политическим и идеологическим контролем. В стране начал складываться тоталитарный режим, который блокировал саму возможность развития гражданского общества.

Вместе с тем оставались и те, кто боролся за эту возможность. Все партии, кроме монархических, пытались противостоять большевикам, то борясь с ними самостоятельно, то объединяясь в политические блоки.

Деятельность этих партий советские историки начали изучать более-менее подробно в конце 1950-х гг. Тогда начался новый период в создании историографии колчаковского режима, связанный с XX съездом партии и развенчанием культа личности И. В. Сталина. Необходимость пересмотра накопленных знаний была констатирована в 1958 г. С. Ф. Найдой в книге «О некоторых вопросах истории гражданской войны» Автор, в частности, отмечал, что «мало внимания уделялось разоблачению ... политики и деятельности свергнутых эксплуататорских и буржуазно-помещичьих партий»¹. В тот период историки начали изучать партийную основу режима А. В. Колчака. В частности, Л. М. Спиринов и Н.Г. Думова пришли к выводу о том, что кадеты представляли собой политический центр белых сил². Представители Партии народной свободы стали настолько отождествляться с белыми силами, что само Белое движение приобрело название «кадетской контрреволюции».

Что касается советской историографии политических партий на Урале и в Сибири, то в большей степени освещалась деятельность большевиков. Много внимания уделялось проблемам политического руководства Красной армией со стороны большевистской партии, особой социальной роли рабочего класса как авангарда революции, неустойчивой позиции «мелкобуржуазных масс» крестьянства, а также критике позиций непролетарских партий и политики белогвардейских правительств. Разработкой этих проблем занимались И.Ф. Плотников, И.С. Капцугович, В.С. Скробов, В.С.Познанский, А.Н. Баталов, Ю.В. Журов и другие, написавшие труды по истории Гражданской войны³.

В начале 90-х гг. заметно вырос интерес к социально-политическим проблемам периода революции и Гражданской войны. В связи с возрождением российского парламентаризма вновь привлекает внимание деятельность политических партий⁴. Историки начинают изучать ее во время Гражданской войны в контексте государственного строительства⁵. Уделяется внимание противоборству политических сил⁶. Тем не менее довольно слабо изученной остается деятельность либеральных партий, особенно их внутренние противоречия и разногласия.

В период нахождения А. В. Колчака у власти на территориях, подконтрольных ему, была разрешена деятельность всех антисоветски настроенных партий. Разумеется, в их число не входили большевики и левые эсеры. На территории Урала существовали четыре партии: эсеры, меньшевики, народные социалисты, кадеты. Кроме того, в Пермской губернии возобновила работу политическая группа «Единство», созданная Г. В. Плехановым в 1914 г. Основную деятельность партии вели в городах, особенно крупных – Перми и Екатеринбурге. В деревне она была практически не заметна. В отчете министру внутренних дел управляющий Пермской губернией отмечал, что «в общей массе население устойчиво и относится с доверием к настоящей власти, но в городах, благодаря партийным распрям, заметно отсутствие сплоченности в общественной работе»⁷. Численность всех этих организаций сейчас установить довольно трудно – многие партийные списки были утеряны в годы Гражданской войны. Так произошло с пермским отделением Партии народной свободы. О «Единстве» можно сказать, что это было одно из самых малочисленных объединений. По крайней мере, в «Свободной Перми» об этой группе писали, что «по своей численности она могла бы уместиться вся на одном диване»⁸.

Носителями правого дискурса являлись кадеты. После октябрьского переворота в их среде нарастает тенденция к переоценке ценностей, происходит отказ от огульной критики «старого режима»⁹. Доминирующими в идеологии конституционных демократов становятся идеи государственности и буржуазного характера революции. Особенно это проявляется среди партийцев Сибири. По мнению В. Г. Хандорина, не последнюю роль в этом сыграло присоединение к кадетам октябристов и других более правых либералов после Февральской революции. В.В. Московкин объясняет это «поправлением» политических настроений общества, особенно военных, связанным с ликвидацией большевистской власти на значительной части территории Сибири и Урала, а также с новыми подходами Партии народной свободы к политической деятельности. Теперь они, отказавшись от традиционных парламентских форм борьбы, ставили новые задачи, в большей степени отвечающие изменившимся условиям. Будучи последовательными государственниками, кадеты готовы были в борьбе с большевиками использовать любых союзников и, наоборот, готовы были отказаться от любых, недостойных, на их взгляд, соратников¹⁰.

С приездом В. Н. Пепеляева в Сибирь завершается консолидация правых кадетов и направление к установлению диктатуры окончательно берет верх. Отметим, что, выступая в защиту диктатуры, кадеты использовали это понятие, лишь обсуждая между собой вопросы политического устройства. На страницах газет они старались не прибегать к этому термину, понимая, что у населения он вызывает негативные ассоциации. К слову «диктатура» относился осторожно даже сам А. В. Колчак, признавая себя диктатором явно с неохотой. Газета «Освобождение России» приводит его слова: «Передача всей полноты власти мотивирована положением государства и необходимостью сосредоточить всю власть и военную и гражданскую в руках одного лица. Это нужно нам для успехов военных, это нужно нам для успехов международных, это, наконец, необходимо нам для твердой и решительной внутренней политики. Меня называют диктатором. Пусть так, я не боюсь этого слова и помню, что диктатура с древнейших времен была учреждением республиканским: как Сенат древнего Рима в тяжкие минуты государства назначил диктатора, так Совет министров Российского государства, идя навстречу общественным настроениям, назначил меня Верховным правителем»¹¹. Иными словами, разочаровавшиеся в коллегиальном правлении правые элементы, полагали, что наиболее эффективной будет власть в руках одного человека, которого не будут раздражать политические противоречия, раздражавшие все составы временных правительств. При этом признавали, что единоличное правление – мера временная, необходимая для достижения военных успехов и внешнего признания. Более того, они полагали, что установившаяся форма правления действительно демократична, поскольку были уверены в том, что народные массы, устав от анархии, нуждались в «твердой руке». Или, как минимум хотели убедить народ в том, что он и в правду нуждается в этом правлении.

Уже в августе 1918 г. Пепеляев на губернском съезде Партии народной свободы в Самаре выступил с докладом о необходимости военной диктатуры. Столь же определенную позицию он занял на «предварительном» совещании в Челябинске. В среде сибирских кадетов все больше распространялись настроения, связанные с необходимостью установления военной диктатуры. Выступая от имени Партии народной свободы на съезде торгово-промышленников в Омске в июле 1918 г., лидер омских кадетов В. А. Жардецкий громогласно заявил: «Неизбежно должна быть введена твердая единоличная власть». В августе 1918 г. Первая общесибирская кадетская конференция высказалась за установление единоличной диктатуры¹².

Осенью 1918 г. кадеты организовали так называемый Омский национальный блок. Формально в него входили 13 общественных организаций (все кооперативы, промышленные и торговые организации, представители казачьих войск, Национальный союз, Союз возрождения России, народные социалисты, группа «Единство», эсеры-воленародовцы и др.). Это было объединение, представляющее прежде всего средние слои населения. С ним были связаны казаки и военные круги. Омский блок способствовал совершению омского переворота. По крайней мере, лидер сибирских кадетов и один из организаторов блока, В. Н. Пепеляев, писал в своем дневнике: «Мы ответственны (и особенно я) за переворот...»¹³. Л. А. Кроль в своих воспоминаниях отмечал, что «партия (кадетов) брала на себя ответственность за совершенный переворот»¹⁴.

В отличие от сибиряков большинство видных кадетов Урала представляли собой левое крыло. Их лидер Л. А. Кроль довольно негативно оценивал реакционность сибиряков. Он даже называл Восточный отдел кадетского ЦК «азиатским» и писал, что тот был «проводником реакции в Сибири» и состоял «из матерых реакционеров типа Жардецкого или из обезумевших от ненависти и с налитыми кровью глазами людей вроде Клафтона и других беженцев»¹⁵.

Седьмого ноября прошло собрание екатеринбургской группы кадетов. На нем обсуждался вопрос дальнейшего устройства антибольшевистской части России – как директории или диктатуры. Значительная часть уральских кадетов настаивала на диктатуре. По их мнению, директория – это продукт Комуча, «она слабовольна, она погубит фронт, она развалит тыл». Кроме того, за диктатуру стояли члены Пермского комитета, которые желали скорее вернуться домой¹⁶.

Необходимость хотя и временного, но единоличного правления признавали и более левые уральские кадеты. На совещании в Уфе от ЦК партии кадетов выступил Л. А. Кроль, который сказал, что «наилучшей формой для осуществления сильной власти была бы временная единоличная верховная власть». При этом он отмечал, что в на данный момент в стране не было «ни одного человека, которому вся нация могла бы доверять и на которого могла бы рассчитывать, что он доведет страну до Учредительного собрания». «Поэтому приходится поневоле мириться с менее совершенной формой в виде директории, но эту директорию мы мыслим как верховную власть, действующую через посредство министров, ответственных перед верховной властью, причем директория ни перед кем не отвечает. Объем ее прав – вся полнота власти», – считали левые кадеты¹⁷. Иными словами, они бы предпочли одного правителя, обладавшего всей полнотой власти, но в отличие от сибиряков не видели такого человека. Именно поэтому на собрании екатеринбургской группы кадетов Л. А. Кроль выступил против диктатуры, аргументируя это тем, что «диктатора нет» и его нельзя искусственно создавать, что «фактически вместо диктатуры мы будем иметь Омское правительство, а оно уже, вне всякого сомнения, приведет к победе большевиков». В конечном счете аргументы Л. А. Кроля возымели действие, и предложение о диктатуре было отклонено, правда, с незначительным перевесом голосов. Впрочем, в Омске победило правое большинство. По этому поводу Кроль заметил: «Директивы ЦК, привезенные Пепеляевым из Москвы, были для меня неприемлемы. В спасительность диктатуры я не только не верил, но считал ее губительной для дела. Между тем директива, привезенная Пепеляевым, была весьма краткой: диктатура!»¹⁸.

Одной из политических заслуг уральских кадетов было создание в Екатеринбурге политического блока, подобного омскому. 29 января под председательством Д. М. Веселова состоялось объединенное заседание губернского и городского комитетов Партии народной свободы. Обсуждался вопрос об образовании в Екатеринбурге блока политических и общественных организаций для объединенной работы на платформе 1) поддержки власти Верховного правителя; 2) борьбы с большевизмом; 3) национально-просветительной деятельности на фронте и в тылу. Для разработки детального плана организации этого блока была избрана комиссия в составе А. П. Ананьева, Н. Г. Брам, П. И. Лебедева, М. Н. Пактовского и А. М. Спасского. Комиссии поручено подготовить соот-

ветствующий доклад к заседанию губернского комитета, который состоялся 2 февраля.

Это объединение, по замыслу его организаторов, должно было стать опорой Верховному правителю в борьбе за признание на международной арене. Идеологом организации выступил А. С. Белорусов – редактор газеты «Отечественные ведомости». «Он верил, что одного противопоставления национализма интернационализму достаточно, чтобы поднять дух населения против большевиков», – писал о нем Л. А. Кроль¹⁹. Основав «Национальный союз» в духе «Национального центра», А. С. Белорусов попытался объединить уральскую общественность для поддержки новой власти. В номере «Отечественных ведомостей» от 29 января была помещена большая статья, посвященная блоку. В ней говорилось: «Союзники продолжают смотреть на власть Верховного правителя как на одну из русских партий, борющихся за власть, поэтому она все еще не признана партией властью правительственной и не получает должной поддержки. Поэтому задачей дня является воздействие на союзников с целью привести их к взгляду на правительство Верховного правителя как на власть государственную, национальную, демократичную, беспартийную. Достигнуть этого государственные и патриотичные группы могут только путем совместной и дружной поддержки Верховного правителя. Омск уже сделал это. 13 общественных организаций уже вступили в блок, что обратило на себя внимание заграницы и усилило положение правительства внутри и вне. Это же должен сделать и Урал. Блок не только укрепит правительство, он сформирует срединное общественное мнение, отвечающее потребностям широких масс народа. На этот блок обопрется новая власть не только при борьбе с большевизмом, но и при устройстве новой России. Блок послужит ей рельсами, которые направят ее ход, не позволят свернуть ни налево, ни направо, и придаст делу национального обновления планомерность, стойкость и прочность»²⁰. То есть создатели блока мнили его как некую внепартийную организацию, которая должна была прекратить всяческие политические разногласия и единым фронтом выступить от лица всего российского народа в поддержку существующего режима и правителя.

Продвигая идею создания блока, кадеты подчеркивали, что многопартийность в сложившихся условиях не является удачным политическим выходом: «Западные народы пошлют в Россию свои войска только по зову всего народа русского, а не по зову партий и даже отдельных правительств»²¹. В этом члены Партии народной свободы были близки по политическим взглядам к Верховному правителю, провозгласившему, что он не пойдет «ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности». Вместе с тем они признавали необходимость партий в дальнейшем – после окончания гражданской войны, когда соберется Национальное собрание.

Идею создания блока поддержали и в Перми. После того как город был отвоеван у большевиков, представители различных партий стали возвращаться туда. С первым же поездом особого назначения из Екатеринбурга прибыл лидер Пермской организации Партии народной свободы, известный общественный деятель и гласный городской думы Владимир Павлович Иванов. Вместе с ним приехал и Л. А. Левин, также находившийся последние месяцы в Екатеринбурге²².

Пермские кадеты (кстати, как и социалисты) менее критично, чем их екатеринбургские коллеги, относились к Омскому правительству. Очевидно, это связано с тем, что Пермь значительно больше пострадала от большевиков, чем Екатеринбург. Кроме того, у пермяков в отличие от их восточных соседей, никогда не было собственного правительства. Тем не менее они тоже позиционировали себя скорее как центристы, а не как консерваторы и реакционеры. Некий автор, подписавшийся инициалами В.Р., отмечал, что общий тон левых по отношению к А. В. Колчаку – это «боязнь реакции». «Тот дух национального государственного строительства, которым проникнуты все шаги новой власти, истолковывается зараженными доктринерским интернационализмом левыми партиями как возврат к старому режиму. Черная реакция мерещится им в каждом шаге правительства, и опасения реставрации высказываются ими с прискорбным постоянством»²³. На другой политический фланг автор ставит крайне правых. Возможно, именно сибиряков и критиковали пермяки: «Действительно реакционные, или, по крайней мере, реставрационно настроенные круги ждут от адмирала Колчака осуществления своей ретроградской программы, не имея для того никаких оснований». Критикуя приведенные точки зрения, автор называет позицию Верховного правителя «полной широкого демократизма... и патриотизма»²⁴.

В пик у сибирякам, продвигавшим идею диктатуры, уральские кадеты подчеркивали, что программа Партии народной свободы не претерпела никаких изменений и не стала реакционной. «Пермские кадетские круги единодушны в том, что, несмотря на всю пестроту и потрясения по-

следних полутора лет, в программных требованиях не произошло никаких изменений. Партия народной свободы до сих пор является тем, чем она была в 1917 году, а по существу, и много раньше – партией демократической государственности. Единодушны местные кадеты и в своем отношении к существующей единоличной верховной власти: "такая форма должна быть признана и поддержана в исключительных условиях переживаемого страной времени. Только она способна объединить русские силы и правительства разьединенных русских территорий, закончить гражданскую войну победой над большевиками и воссоздать единую Россию на основе созыва Учредительного собрания"», – говорилось в резолюции пермского отделения партии²⁵.

В мае появилось пермское отделение Национального союза. У него была своя декларация, в которой были обозначены основные приоритеты организации: «Единая нераздельная Россия, восстановление государственности, твердая власть (до установления Национальным собранием формы государственного правления – всемерная поддержка правительства, возглавляемого Верховным правителем), могучая дисциплинированная армия, собственность и свободный труд, представительный образ правления, гражданские свободы: слова, печати, союзов, собраний, личности и неприкосновенность жилища, свобода вероисповедания, равноправие национальностей, воспитание на началах веры, нравственности и уважения к закону, всеобщее бесплатное начальное образование, удовлетворение земельной нужды крестьян, развитие производительных сил страны и улучшение положения рабочего класса, развитие промышленности и торговли, широкое местное самоуправление»²⁶.

Стоит отметить, что создать масштабную организацию, объединяющую все антибольшевистские силы на основе национализма, у кадетов не получилось. Многие организации отвечали на предложение войти в блок отказом, объясняя это своей аполитичностью. Например, екатеринбургский педагогический профсоюз мотивировал отказ вступить в блок тем, что «участие в политической жизни страны – это дело партий и политических организаций»²⁷. Вместе с тем Л. А. Кроль отмечал, что столица Урала была радикальна и демократична и Национальный союз еле дышал²⁸. Возможно, именно из-за высокой демократизации екатеринбургского общества многие общественные организации отказывались вступать в блок. «В Екатеринбурге роль выразителя общественного мнения блока принадлежит даже не кадетам, а Национальному союзу», – писали в газете «Наш Урал». В той же статье Екатеринбургский блок называли правым крылом Омского и упрекали в том, что его организаторы «стараятся быть националистами больше, чем того хочет сама нация». Более того, социалисты пеняли своим правым оппонентам на то, что именно из-за их риторики большевистская пропаганда в духе «Колчак стремится надеть корону Николая II» имеет успех по обе стороны фронта²⁹.

Таким образом, только в Партии народной свободы можно выделить три «группировки»: крайне правые сибиряки, умеренные пермяки и левые екатеринбуржцы.

Социалисты едко подмечали, что с «реакционерами» мало кто желает сотрудничать. «Наше скептическое отношение к политическому значению блока, судя по организационному собранию, превысило наши ожидания. В буквальном смысле – гора мышь родила, – писали в газете «Наш Урал». – Результатами своей затеи, кажется, смущены сами инициаторы. Из 23 организаций, на присоединение которых к блоку рассчитывали инициаторы собрания, явились делегаты только от 11: четыре организации торгово-промышленников (совет съездов торговцев и промышленников, Уральский союз торговцев и промышленников, культурно-экономический союз, биржевой комитет); три организации, построенные по религиозному принципу (старообрядческая община, союз приходских советов и Екатеринбургское мусульманское национальное управление общества возрождения России); три союза (врачей, инженеров и Национальный союз) и одна партия – Народной свободы. Вот и все! Но это не мешает блоку, так удачно родившемуся и не сделавшему еще ни одного общественно-полезного шага, заявить о своем рождении и поддержке никому другому, как самому Верховному правителю. В этом маленьком, но характерном факте больше, чем в их декларации, обнаружилась природа этой организации и способность ее только занимать телеграфный провод и выносить бутафорские резолюции»³⁰.

Социалистов возмущало желание правых сформировать политический блок, основанный на единстве взглядов. Но больше их возмущало то, что новоиспеченный блок рассчитывал говорить от лица всех антибольшевистских сил. Эсеры и меньшевики все-таки оставались на позициях многопартийности. «Самомнение у инициаторов блока просто поразительное... Мы являемся решитель-

ными сторонниками группировки сознательных граждан по политическим партиям; практика старых демократий показала, что только такая организация может дать устойчивые формы народовластия и обеспечить государству свободный ход в его развитии», – говорилось в газете «Наш Урал»³¹.

Тем не менее социалистам приходилось признавать, что страна еще «не вышла из политического младенчества». «Очевидно, нам нужны новые формы и лозунги; как это может быть с точки зрения политически взрослого человека не бессмысленно, приходится считаться с психологией и политическим уровнем массы и идти ей навстречу. В этом отношении идея Национального союза, а затем и блока может быть и правильна, но беда только в том, что у этих организаций получился такой привкус, что для последовательно-демократических организаций и партий они неприемлемы; вот и получается такой букет организаций, который участвовал в создании блока, претендующего поддерживать власть, ведущую страну к истинному народовластию, то есть выполнять функции, не свойственные их природе. От этого ничего путного для торжества у нас народовластия быть не может, поэтому приходится думать о создании такой организации, которая действительно могла бы объединить на почве защиты народовластия демократические партии и организации»³². То есть социалисты, в свою очередь, запланировали создать свой блок, который не поддерживал бы существующий режим, а скорее был бы к нему в оппозиции, защищал бы новорожденное гражданское общество от необходимой на период гражданской войны диктатуры.

Понимая, что далеко не все организации с готовностью вступили в политический блок, предлагаемый кадетами, эсеры решили, что им необходимо создать альтернативное объединение – «более демократического состава, подобно Московскому союзу Возрождения России». По их мнению, «ведя параллельную работу, они могут быть в соответственном контакте, но полного слияния не может быть и не должно в интересах дела. Ведя каждый свою линию и объединяя соответствующие классы, они будут выпрямлять демократическую линию власти по соответствующей равнодействующей, объединять большее количество населения и вернее приведут страну к истинному народовластию, чем если будут пытаться действовать совместно и при полном слиянии»³³. Иными словами, эсеры фактически предлагали создать двухпартийную систему, в которой одна политическая организация будет исполнять роль консерваторов, стоящих на стороне жесткой власти, а вторая – «лейбористов», отстаивающих гражданское общество.

В противовес Национальному союзу социалисты организовали Всероссийский демократический союз в Екатеринбурге. В него они пригласили все организации, которые в «существующий Национальный блок не вошли или вошли с трудом, насилуя свою демократическую сущность». В первую очередь имелись в виду социалистические партии Урала. Что касается Партии народной свободы, то организаторы Демократического союза с недоверием относились к омскому комитету партии, зато с уважением – к уральскому: «Протест екатеринбургского комитета партии против посягательств омского комитета на принцип всеобщего избирательного права и т.п. не дают нам права закрывать уральским кадетам возможность вступления в демократический блок. Пусть это они решают сами»³⁴. Некоторые кадеты воспользовались предложением политических оппонентов. В принципе социалисты приглашали в союз всех, кто стоит на демократической платформе, будь то общественно-политические организации или отдельные граждане.

В итоге проект декларации Демократического союза выработывали Екатеринбургский комитет трудовой народно-социалистической партии с участием представителей пермской, уфимской и тобольской групп партии, а также отдельных представителей эсеров, меньшевиков и кадетов. В этом документе они признавали, что «тыл победоносной армии продолжает оставаться в аморфном состоянии, распыленным и разъединенным, без сложившегося сильного и властного общественно-го мнения»³⁵. Новое объединение ставило своей задачей «организацию демократии», отмечая при этом (как и создатели Национального блока), что существующие политические партии не в силах справиться с этой задачей, так как они «ныне распадаются и переживают, быть может, смертельный кризис». Строить же новые «теперь не время». Поэтому организаторы Демократического союза объявляли его внепартийным, так как он призван объединить всех сторонников демократического строя, будь то социалисты или кадеты, крестьяне или рабочие³⁶. В этом смысле создатели этого объединения были идейно близки к создателям национального блока.

Второй пункт декларации был следующим: «Демократический союз – национален. Он видит возрождение России в создании единого мощного национального организма, способного противостоять попыткам порабощения. Посему он признает, что наш фронт против большевиков является

фронтом национальным и прогрессивным»³⁷. В этом создатели Демократического союза опять же близки к своим более консервативным оппонентам. Как и кадеты, социалисты считали необходимым объявить о всемерной поддержке правительству, правда, с оговоркой: «в мероприятиях, осуществляемых на основе права и законности и ведущих к укреплению основ народовластия»³⁸.

Несмотря на это, организаторы Демократического союза заявили, что готовы в любой момент уйти в оппозицию к правящему режиму, если таковой, на их взгляд, начнет нарушать завоеванные революцией права и свободы. В третьем пункте декларации говорилось, что они «решительно осуждают всякое стремление к подавлению начал общественности силою власти государственной и заранее отрицательно относятся ко всяким актам, в которых проводилась бы идея ограничения прав органов местного самоуправления и общественных организаций». Кроме того, представители политической организации заявили, что считают необходимым немедленное установление конституционных гарантий: неприкосновенности личности и жилища³⁹.

Конечной целью Демократический союз видел созыв Всероссийского учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Для этого организация ставила своими задачами «политическую и культурно-просветительскую работу среди широких масс народа и подготовку их к сознательному отношению к выборам»⁴⁰.

Последнее и стало основной деятельностью партий на Урале. Выделились две основные политические силы. Одна из них – Национальный союз – безоговорочно поддерживала Верховного правителя и в результате оказалась даже правее его самого, другая – Демократический союз – поддерживала центральную власть с некоторыми оговорками и часто становилась оппозицией правящему режиму, понимая, что в текущий момент альтернативой могут быть только большевики. Первые стояли на принципе государственности, вторые – на принципе первичности прав и свобод по отношению к государству. При этом во взглядах тех и других было много общего. Тем не менее недолгий срок они считали друг друга своими главными конкурентами.

Основным рупором Национального союза на Урале стали газеты «Отечественные ведомости» и «Свободная Пермь», которая позднее была переименована в «Современную Пермь», а с июня 1919 г. слилась с «Военными ведомостями» и журналом «Отечество». Социалисты выпускали «Наш Урал», который издавался Советом кооперативных съездов. Также оппозиционно настроенными были газета «Заря народоправства», которая издавалась Камышловским уездным земством, журнал «Печатное слово», имевший «узкопартийное, классовое и интернациональное направление, хотя и сдерживаемое военной цензурой»⁴¹. В Перми выходила «Народная мысль» под редакцией Макухина и Шнеерова.

Эти издания стали ареной политической борьбы, развернувшейся в связи с выборами в органы местного самоуправления. Именно новый закон о выборах послужил поводом для одной из первых их публичных дискуссий.

Социалисты оценивали этот закон неоднозначно. Были те, кто лояльно относился к этой инициативе, в частности, представители партии народных социалистов. Например, во время визита А. В. Колчака в Екатеринбург на встрече его с представителями общественно-политических организаций народный социалист В. Я. Бахтеев отметил, «что в основе правительство ведет правильную, демократическую линию» и что если и есть какие-либо промахи, то они несущественны, и не стоит к ним относиться строго⁴². Были и те, кто подвергал новую систему выборов резкой критике, в основном эсеры и меньшевики. На встрече с А. В. Колчаком гласный Екатеринбургской городской думы Я. Н. Чупраков, представитель фракции социал-демократов, указывал на недемократичность избирательного закона в городскую думу, который вводит годовой ценз оседлости и бьет главным образом по пролетариату⁴³. Критике подвергался и закон о выборах в земства, который, по мнению эсеров, ущемлял права крестьян. В первую очередь это проявлялось в том, что деревенская Россия практически лишилась прямых выборов в органы местного самоуправления и могла участвовать лишь в выборах в волостные земские собрания, вопрос об отмене которых уже поднимался властью. Для уездных земств предусматривалась двухступенчатая система выборов, а для губернских – трехступенчатая. «Самой вопиющей несправедливостью по отношению к деревне является то, что годовой или имущественный ценз оседлости требуется не только для активного избирательного права, но и для пассивного... Это ограничение, обидное для избирателей деревни, нецелесообразное и смахивает на старое "попечение начальства", смысл которого сводился к стремлению держать народ подальше от света и интеллигенции»⁴⁴.

Кадеты поддерживали этот закон, который, по их мнению, не затронул демократических основ. Он лишь «оздоровил» муниципальное управление, отменив пропорциональность выборов, обострившую партийную борьбу. Повышение возрастного ценза до обычной нормы и весьма незначительный (всего годовой) ценз оседлости являлись единственными ограничениями всеобщности избирательного права, с точки зрения представителей Партии народной свободы. Остальные условия реализации четырехчленной формулы демократического избирательного права сохранены полностью. «Таким образом те возражения против нового закона, которые делаются социалистической печатью, упрекающей этот закон в недемократичности и даже реакционности, являются явно недобросовестными и диктуются лишь партийной ослепленностью, слепой привязанностью к программным формулам и отвлеченным схемам», – резюмировал некий «Юрист» в газете «Свободная Пермь»⁴⁵. Стоит обратить внимание на то, что автор заметки все же соглашается с тем, что новый закон стал менее демократичным, чем предыдущий. Впрочем, подобные ограничения кадеты всегда списывали на гражданскую войну, в условиях которой иначе нельзя.

Бурную дискуссию новый закон вызвал на одном из заседаний Пермской городской думы. Дело в том, что перед выборами в органы местного самоуправления встал вопрос о проведении переписи населения. Управа предложила провести перепись населения в некоторых пригородах с целью установить там число думских избирателей. Представители кадетов высказались против этого, поскольку перепись населения лишь в некоторых пунктах не имеет ни практического, ни научного значения, хотя требует напрасной траты и без того скудных городских средств. Если планировать перепись населения именно с этой целью, то, считали кадеты, почему бы не провести ее и в других пригородных местах, где живут избиратели? Ведь в Мотовилихе, на Балмошной, в Левшино, Лядах, Сылве, Заборной и других населенных пунктах живут гораздо больше людей, чем за Камой, на Данилихе, на Горках. Отдавать же предпочтение одной категории избирателей в ущерб другой значит «противоречить демократическим принципам», – полагали представители правых фракций Пермской думы⁴⁶.

В ответ на это гласные, «сидящие слева», сделали фракционное заявление, в котором упрекнули своих противников «в обычном реакционном стремлении, направленном на урезание чьих-то прав». По их мнению, кадеты не желают переписи «из-за боязни тех пригородных элементов, которые будут принимать участие в выборах». Подразумевалось при этом, что в силу «классовой солидарности» пригородные элементы отдадут свои голоса «вождям масс», а группы, стоящие на платформе национального самосознания, должны потерпеть полное фиаско. Однако кадеты полагали их рассуждения ошибочными, так как «в пригородных местах живут именно "буржуазные слои", которые едва ли способны к восприятию "социалистической доктрины", особенно испытав на своей шее ее недавнее "благодетельное" влияние»⁴⁷.

Перед выборами в органы местного самоуправления правые либералы развернули настоящую информационную войну против социалистов, проявившуюся, например, в критике действующих дум и земств: «Настоящий состав гласных, состоящих в основном из эсеров, не представляет подлинно города настоящего времени, когда жизнь в нем и настроение граждан радикально переменялись»⁴⁸. Кадеты, стоящие на более правых позициях, считали, что «горожане теперь хотят иметь не партийную думу, а деловую, состоящую не из партийных людей, а из людей, способных управлять городским хозяйством»⁴⁹. Естественно, доказательств этого в виде ссылки на опрос граждан не предоставлялось.

По мнению кадетов, кандидатом в гласные должен быть крепкий сторонник существующей власти. Он должен быть полезен городу или своим опытом на городской ниве, или своими профессиональными способностями, или «трезвыми устойчивыми взглядами на жизнь»⁵⁰. Среди социалистов, как казалось кадетам, таковых нет. «Социалистические партии принесли много вреда России, разложили армию, страну, расстроили всю ее жизнь, занимались долгое время упорной демагогией, прокладывали и расчищали пути и дороги во многих направлениях для большевиков. И теперь еще в земствах и думах сидят во множестве социалистические избранники, которых, очень вероятно, многие из народа перестали считать уже своими избранниками. Времена переменялись, и народ переменялся вместе с ними. Вот почему нам кажется, что социалисты в настоящее время не должны составлять большинства в народе, что народ настроен теперь много трезвее и правее, чем это было полтора-два года назад»⁵¹. Тем не менее они понимали, что и социалисты должны иметь своих представителей в органах местного самоуправления, «не смотря на то, что они разрушали Рос-

сию, если только они чему-нибудь научились за это время»⁵².

Социалисты, хотя и занимали большинство мест в думах и земствах, фактически составляли оппозицию по отношению к правящему режиму. Некоторые политики презрительно называли их «попыткой оппозиции» и стандартно критиковали за отсутствие реальных планов действий. «Выступал эсер – гладенький, чистенький, в белом галстуке. Говорил что-то неопределенное, трудноуловимое. Не то признают, не то не признают, не то приветствуют, не то протестуют... Говорил представитель социал-демократов, чувствуется, что нет определенного решения, реальных планов, а так только – желание показать, что мы – оппозиция, мы еще повоюем. С кем? За что? Это неуловимо. Критикует закон о выборах. Говорит, что ценз оседлости направлен против рабочих. Знаю, что громадное большинство рабочих живет оседло. Да, незавидное положение этого эсдека в казенном мундире, который хочет и оппозиционность свою показать, и верность еще не забытым трафаретам, и сам понимает, что ничего противопоставить реально существующего, действительно сильного, он не может. Так и расплылась эта попытка оппозиции в нечто мутное, нудное и бесталанное», – писал в своих воспоминаниях о поездке в Екатеринбург с А. В. Колчаком Сергей Ауслендер⁵³. На его взгляд, социалисты, в ходе гражданской войны распавшиеся на множество лагерей, не могли представить четкую программу действий, и правые оппоненты социалистов не стремились понимать их.

Однако, несмотря на постоянные дискуссии и недоверие друг к другу на страницах изданий, по настоящему серьезный конфликт между политическими оппонентами произошел лишь однажды: «13 февраля в заседании Пермской городской думы произошел резкий раскол, дума дала трещину. Социалисты оказались на одной стороне, вся прочая часть думы – на другой». Речь идет о приветствии адмирала А. В. Колчака, который должен был прибыть в Пермь. Социалистическое большинство в городской думе сначала решительно отказалось принимать участие во встрече Верховного правителя. По требованию гласных из Партии народной свободы для обсуждения вопроса о встрече Колчака был созван совет думы, в который входили члены управы и лидеры фракций. При рассмотрении вопроса 13 февраля были предложены две резолюции – от фракции кадетов и фракции социалистов. От кадетов выступил гласный М. М. Кузнецов и сделал следующее заявление:

1. Уполномочить городского голову встретить Колчака на вокзале;
2. Избрать депутацию для приветствия Верховного правителя адмирала Колчака и выражения ему пожеланий, которые Гордума желала бы видеть осуществленными от него и его правительства.

Социалистические фракции полностью согласились с политическими оппонентами в первом пункте, однако по второму у них возникли разногласия с кадетами. Социалисты (эсеры и меньшевики) принципиально называли Колчака адмиралом, а не Верховным правителем, подчеркивая тем самым нелегитимность его пребывания на посту главы государства. Кроме того, они полагали, что делегация должна изложить адмиралу не «пожелания», а свои «взгляды на современное политическое положение страны и на ближайшие его задачи». Большинством голосов (21 против 10 при одном воздержавшемся) гласные поддержали резолюцию социалистов. Кадеты в знак протеста отказались отправлять своих делегатов на встречу Колчака.

В ответ на это с жесткой критикой думы выступили представители ряда общественных и профессиональных организаций. «Группы домовладельцев, промышленников на собраниях своих открыто заявили, что подобную думу они не считают представительницей населения Перми и требуют ее роспуска. Вообще, в городе начало проявляться несогласие с тактикой думы в последние дни»⁵⁴. Претензии к думе, в частности, выразили корпорация инженеров Пермских пушечных заводов и Пермский биржевой комитет. Они написали на имя управляющего губернией заявление, в котором отмечали, что «такое постановление думы совершенно противоположно мнению населения, которое как один приветствует Верховного правителя». «В виду того, что настоящий состав думы совсем не выражает настроения масс, мы просим о скорейшем созыве новой думы», – отмечалось в документе⁵⁵. Однако, как писали в кадетской газете, на самой встрече в обращении к Колчаку «был сделан крутой поворот, дума стала на точку зрения своего меньшинства»⁵⁶. К адмиралу обращались как к Верховному правителю. А. В. Колчак выразил удовлетворение в своей ответной речи, заявил, что разделяет взгляды местного самоуправления. Адмирал также отметил, что эти взгляды совпадают с его собственными, пояснив, что его приоритетом является создание боеспо-

собной армии и победа в гражданской войне. Только после этого возможно полноценное гражданское строительство⁵⁷.

Результатом политической борьбы на Урале должны были стать выборы в городскую думу. Они успели пройти во многих городах Урала, однако в большинстве случаев подсчитать голоса не успели. Например, в Перми выборы прошли 22 июня, а 1 июля город заняли большевики. Несколько раньше прошли выборы в Кунгуре. Там даже успели сформировать новый состав думы: беспартийных правого направления и центра было 13 человек, беспартийных левее центра – 4, кадетов и примыкающих к ним – 8, народных социалистов – 3, социал-демократов – 2⁵⁸. Явка составила чуть более 30% избирателей.

Похожие результаты выборов были в Сибири и на Дальнем Востоке. Там победу одержали представители правого крыла. В ряде центров победа осталась за домовладельцами (Чита, Тюмень, Иркутск и мн. др.). Профессиональные союзы и левые группы повсеместно остались в меньшинстве, без сомнения, утратив свое политическое влияние. Однако население к выборам отнеслось равнодушно – редко где отмечалась явка более 25%⁵⁹.

Таким образом, при всем многообразии партий при А.В. Колчаке начала складываться двухпартийная система. Она была представлена двумя конкурирующими блоками – Национальным союзом и Демократическим союзом. В первый входили правые кадеты и консервативно настроенные элементы, во второй – все разрешенные Омским правительством социалисты (т.е., все, кроме большевиков и левых эсеров), а также левое крыло кадетов во главе с Л. А. Кролем.

Первая политическая организация позиционировала себя как надпартийная и была создана для того, чтобы выступить единым народным фронтом в поддержку А. В. Колчака. Это могло помочь получить долгожданное признание Верховного правителя на международной арене. Вторая тоже оказывала поддержку адмиралу, хотя не признавала диктатуры, но готова была мириться с ней как с временной мерой в условиях гражданской войны.

Представители Национального союза вошли в правительственные органы власти, представители Демократического союза – в органы местного самоуправления. Чтобы занимать доминирующую позицию, правым необходимо было отвоевать у левых места в думе и земстве. Перед выборами они развернули информационную кампанию против своих оппонентов, критикуя их стремление к демократии и подозревая в том, что они в любой момент могут перевернуться на сторону большевиков. Социалисты, в свою очередь, упрекали соперников в реакционности и контрреволюционности. Чем было ближе к краху колчаковского режима на Урале, тем более накалялась политические страсти политических организаций, становились все более категоричными в своих суждениях оппоненты. В результате часть правых становилась все более реакционной, в чем их обвиняли социалисты, а другая их часть разочаровалась в проводимой политике и «полевела».

Примечания

¹ Найда С.Ф. О некоторых вопросах истории гражданской войны. М., 1958.

² Спиринов Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968; Думова М. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982.

³ Плотников И.Ф. Героическое подполье: Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). М., 1968; Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией. Новосибирск, 1973; Журов Ю.В. Гражданская война в Сибирской деревне. Красноярск, 1986.

⁴ Нарский И.В. Кадеты на Урале (1905–1907). Свердловск, 1991; Он же. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. Челябинск, 1995. Ч. 1,2.

⁵ Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Государственное строительство на Урале в 1917–1921 гг. Челябинск, 1997.

⁶ Московкин В.В. Противоборство политических сил на Урале и в Зауралье в период революций и гражданской войны (1917–1922 гг.). Тюмень, 2004.

⁷ ГАПК. Ф.р-746. Оп. 2. Д.47. Л. 15–18.

⁸ Свободная Пермь. 1919. 26 марта.

⁹ Хандорин В.Г. Эволюция взглядов сибирских кадетов по вопросу о власти в период революции и гражданской войны // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2010. №126.

¹⁰ Московкин В. В. Противоборство политических сил на Урале и Зауралье в период революций и гражданской войны.

¹¹ Цит. по: Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М, 2007. С. 273–276.

¹² Хандорин В.Г.. Эволюция взглядов сибирских кадетов... // Указ. изд. 2011. №127.

- ¹³ Цит. по: Сидоров И. Роль партии кадетов в Гражданской войне в России.
¹⁴ Кроть Л. А. За три года. Владивосток, 1921. С.113.
¹⁵ Там же.
¹⁶ Там же. С. 127.
¹⁷ Там же.
¹⁸ Там же.
¹⁹ Там же. С.140.
²⁰ Свободная Пермь, 1919. 15 февр.
²¹ Кроть Л. А. За три года. С.140.
²² Там же.
²³ Свободная Пермь. 1919. 28 янв.
²⁴ Там же.
²⁵ Там же.
²⁶ Современная Пермь. 1919. 14 мая.
²⁷ Наш Урал. 1919. 7 марта.
²⁸ Кроть Л.А. За три года. С.178.
²⁹ Наш Урал. 1919. 7 марта.
³⁰ Там же.
³¹ Там же.
³² Там же.
³³ Там же.
³⁴ Там же.
³⁵ Там же.
³⁶ Наш Урал. 1919. 25 марта.
³⁷ Там же.
³⁸ Там же.
³⁹ Там же.
⁴⁰ Там же.
⁴¹ ГАПК. Ф.р-746. Оп. 2.Д.47. Л. 15–18.
⁴² Наш Урал. 1919 27 февр.
⁴³ Там же.
⁴⁴ Наш Урал. 1919. 8 мая.
⁴⁵ Свободная Пермь.. 1919. 8 марта
⁴⁶ Современная Пермь. 1919. 11 апр.
⁴⁷ Там же.
⁴⁸ Свободная Пермь. 1919. 8 марта.
⁴⁹ Там же.
⁵⁰ Там же.
⁵¹ Там же.
⁵² Там же.
⁵³ Свободная Пермь. 1919. 30 марта.
⁵⁴ ГАПК, Ф. р-746. Оп. 2. Д. 34 Л.12.
⁵⁵ Там же.
⁵⁶ Свободная Пермь. 1919. 8 марта.
⁵⁷ Освобождение России. 1919. 4 марта.
⁵⁸ Пермские губернские ведомости. 1919. 22 июня.
⁵⁹ Отечество. 1919. 26 июня.

Список источников

Государственный архив Пермского края. Ф.р-746. Оп. 2. Д.47, 34
Наш Урал. 1918–1919.
Освобождение России. 1918–1919.
Отечество. 1919.
Пермские губернские ведомости. 1918–1919.
Свободная Пермь. 1918–1919.
Современная Пермь. 1919.

Библиографический список

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2007.

- Думова М. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982.
Журов Ю. В. Гражданская война в Сибирской деревне. Красноярск, 1986.
Кобзов В. С., Сичинский Е. П. Государственное строительство на Урале в 1917–1921 гг. Челябинск, 1997.
Кроль Л. А. За три года. Владивосток, 1921.
Московкин В. В. Противоборство политических сил на Урале и в Зауралье в период революций и гражданской войны (1917–1922 гг.). Тюмень, 2004.
Найда С. Ф. О некоторых вопросах истории гражданской войны. М., 1958.
Плотников И. Ф. Героическое подполье: Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). М., 1968.
Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией. Новосибирск, 1973.
Стирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968.
Хандорин В. Г. Эволюция взглядов сибирских кадетов по вопросу о власти в период революции и гражданской войны // Изв Рос гос пед ун-та им. А.И. Герцена. 2010. № 126.

Дата поступления рукописи в редакцию 19.10.2014

INFORMATION WARFARE OF POLITICAL ALLIANCES IN THE “WHITE” URALS

P. Ya. Domovitova

Perm State National Research University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
domovitova@yandex.ru

The article discusses ideological confrontation of political parties in Perm province under Alexander Kolchak's authority. With the coming of the “White” troops to the Urals all the anti-Soviet parties were allowed to operate. The Bolsheviks and the Left Socialist Revolutionaries were the exception. Therefore four parties operated in Perm region: the Socialist Revolutionaries, the Mensheviks, the Popular Socialists, and the Cadets. The author analyzes their activities and concludes that despite the variety of the parties under Kolchak, a two-party system began to form in fact. It was represented by the two competing alliances: the National Union and the Democratic Union. The first political organization positioned itself as non-partisan and was to present a united national front in support of Kolchak. The second one also supported Kolchak, but, stating its disagreement with the dictatorship, agreed to accept it as a temporary measure, necessary during the Civil War.

Key words: Kolchak, political parties, civil war, elections.

References

- Dumova M. G.* Kadetskaya kontrevolyutsiya i ee razгром. М., 1982.
Gins G. K. Sibir', soyuzniki i Kolchak. М, 2007.
Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraya. F.r-746. Op. 2. D.47; D. 34
Kobzov B. C., Sichinskiy E. P. Gosudarstvennoe stroitel'stvo na Urale v 1917-1921 gg. Chelyabinsk, 1997.
Krol' L. A. Za tri goda. Vladivostok. 1921.
Moskovkin V. V. Protivoborstvo politicheskikh sil na Urale i v Zaural'e v period revolyutsiy i grazhdanskoj vojny (1917-1922 gg.). Tyumen', 2004.
Nash Ural. 1918-1919.
Nayda S. F. O nekotorykh voprosakh istorii grazhdanskoj vojny. М., 1958.
Osvobozhdenie Rossii. 1918-1919.
Otechestvo. 1919.
Permskie gubernskie vedomosti. 1918-1919.
Plotnikov I. F. Geroicheskoe podpol'e. Bol'shevistskoe podpol'e Urala i Sibiri v gody inostrannoy voennoy interventsii i grazhdanskoj vojny (1918-1920). М., 1968.
Poznanskiy B. C. Ocherki istorii vooruzhennoy bor'by Sovetov Sibiri s kontrevolyutsiey. Novosibirsk, 1973.
Rusakova O. F. Osnovnye raznovidnosti sovremennykh teoriy politicheskogo diskursa: opyt klassifikatsiy. POLITEKS, 2006.
Sovremennaya Perm'. 1919.
Svobodnaya Perm'. 1918-1919.
Zhurov Yu. V. Grazhdanskaya vojna v Sibirskoy derevne. Krasnoyarsk, 1986.